

УДК 94(430)“1871/1918”

UDC 94(430)“1871/1918”

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1871–1918 гг.)

CONCEPTUAL BASES OF FOREIGN POLICY OF THE GERMAN EMPIRE (1871–1918)

О. Г. Субботин,

*доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
и методики преподавания истории БГПУ*

O. Subbotin,

*Doctor of History, Professor
of the Department of General History,
and Methods of Teaching History, BSPU*

Поступила в редакцию 29.10.18.

Received on 29.10.18.

Статья посвящена ретроспективному анализу рамочных условий, целей и методов внешней политики Германской империи в 1871–1918 гг. Выявлена степень соотношения в ней континуитета и дисконтинуитета, исторических традиций и геополитических факторов. В поле зрения автора находятся такие специфические понятия, как «имперская идея», «особый путь», «силовая политика», «мультилатерализм» и др. Пристальное внимание уделено проблеме социальной рефлексии немецкой внешней политики в указанные годы.

Ключевые слова: Германская империя, рейх, внешняя политика, международные отношения, экспансия, ревизия, колониализм, империализм, силовая политика, мультилатеральный, унилатеральный.

The article deals with the retrospective analysis of the conceptual bases, goals and methods of the foreign policy of the German Empire in 1871–1918. The degree of correlation between continuity and discontinuity, historical traditions and geopolitical factors is revealed. The author explores the concepts and substance of such phenomena like Reichsidee, Realpolitik, Sonderweg, Machtpolitik, Multilateralism and pays special attention to the problem of public attitudes towards pursued foreign policy.

Keywords: German Empire, Reich, foreign policy, international relations, expansion, revision, colonialism, imperialism, power politics, multilateral, unilateral.

Введение. Образование Германской империи оказало существенное влияние на расстановку политических сил в Европе, изменило рамочные условия международных отношений на континенте. Немецкое национальное государство не скрывало претензий на великодержавный статус, грезило химерой о мировом господстве. Универсализм имперской идеи, что характерно, выводился из ее сакральной сущности, а не «пространственно-политических функций». Речь шла ни больше ни меньше о «европейской, национально-универсальной претензии средневековой Священной Римской империи немецкой нации», с которой современное индустриальное общество едва ли могло иметь точки соприкосновения [1, S. 16].

В сочетании национального государства и имперской идеи было заложено нечто «дерзновенное и тщеславное», приведшее в движение немцев и обеспокоившее европейцев. Нести бремя незавершенного национального государства, как верно подметил К. Хильдебранд, казалось проще с мечтой о старом рейхе, который в своем новом облике – между реальностью и видением – стал травмой для соседей» [2, S. 1015–1019].

Внешняя политика Германии традиционно входит в число приоритетных направлений научно-исследовательской деятельности. По существу, можно выделить две ее фазы, водоразделом которых стал 1949 г., когда на смену великодержавной традиции и силовой политике пришла боннская модель «торгового государства». В нашем случае речь идет о периоде Германской империи. Предпринята попытка комплексного анализа концептуальных основ ее внешнеполитического курса, опираясь на достиже-

* Дополненный библиографический список к статье Шиха К. В. «Развитие белорусско-израильских отношений в начале 1990-х гг.», опубликованной в № 2 за 2018 г., см. в конце раздела «Гісторыя».

ния современной историографии. В процессе исследования автор обращался к трудам Т. Ниппердая, К. Хильдебрандта, О. Данна, Г.-У. Велера, С. Хаффнера, Г. Киссинджера, Н. В. Павлова и др., на страницах которых представлена широкая гамма взглядов на актуальную проблему [3–5; 1; 2; 6; 7].

Основная часть. В 1871–1945 г. Германия демонстрировала отчетливые линии преемственности во внешней политике, соединяющие воедино разные исторические эпохи. Все, начиная с О. фон Бисмарка и заканчивая А. Гитлером, действовали в традиции «особого пути», но с той лишь разницей, что первый желал сделать Германский рейх «лидером среди равных», а последний, апеллируя к догмам о «народном сообществе» и «жизненном пространстве», противопоставил его цивилизованному миру.

Отправной точкой стала «реальная политика» (Realpolitik) Бисмарка, основанная на трезвом расчете, призванная обуздать французский ревизионизм и упрочить положение молодой нации. Германия испытывала дефицит политического веса и влияния, чтобы оставаться самодостаточной, зависела от других государств и в своем стремлении к автономным действиям наталкивалась на их перманентное сопротивление. Такие категории, как территориальная экспансия, гегемония и мировое господство, таили в себе угрозу, о чем неоднократно предупреждал железный канцлер. Поэтому в попытке сохранить монархические институты и предотвратить анархию он настоятельно рекомендовал кайзеру избегать войны [8, S. 100].

Первое время рейх как восходящая великая держава и европейский «полугегемон» был заинтересован в «рестаблизации» отношений на континенте, гарантирующих длительное спокойствие и устойчивость, и, вдобавок ко всему, не обладал энергией для агрессивных действий, предпочитая экспериментировать с политикой равновесия [9, S. 735; 6, S. 430]. Это представлялось непростой задачей, если принять во внимание тот факт, что Бисмарк и Вильгельм II олицетворяли собой, по выражению историка О. Данна, «прусский эгоизм и имперско-германское высокомерие» [5, S. 13]. Внешние обстоятельства, однако, благоволили канцлеру. С помощью системы сдержек и противовесов он стремился выстроить такую договорную базу с европейскими державами, кото-

рая бы позволила Германии избежать потенциальных угроз и контролировать партнеров.

К началу 1880-х гг., когда молодая империя заметно укрепила свои позиции на континенте, хитроумная система альянсов Бисмарка оказалась весьма запутанной [3, с. 31–35]. Новым элементом немецкой внешней политики и одновременно ее дестабилизирующим фактором стал колониализм.

Бисмарк скептически относился к колониальной политике, опасаясь конфликта с Великобританией и Францией. Его слова в адрес «энтузиастов-колониалистов» общеизвестны: «Ваша карта Африки прекрасна, но моя карта Африки в Европе»¹. Несмотря на это, в среде консервативных сил, стоявших за канцлером, экспансионистская риторика становилась день ото дня все популярнее. Обладание заморскими территориями ассоциировалось с могуществом, жизненной силой и «модерностью» нации. Перспектива превращения Германии в колониальную империю пьянила немецкое общество, движимое не столько экономической выгодой, сколько чувством патриотизма. Даже кайзер видел в колониальной политике гораздо больше выгод, нежели рисков. И Бисмарк уступил, отведя «социальному империализму»² роль цементирующего систему компонента, способного вызвать новую волну национального подъема и добиться социального равновесия. Одной из вероятных причин такого поворота современная историография называет давление торгово-экономического сообщества. Уже в 1881 г. промышленниками Рейнланда и Вестфалии был основан Западногерманский союз колонизации и экспорта, а в 1882 г. сформирован Колониальный союз, сумевший посредством умелой пропаганды вызвать у жителей страны интерес к колониальной политике, а у правительства и рейхстага –

¹ И далее: «Вот Россия, а вот Франция, мы же находимся в середине – такова моя карта Африки». Эти слова Бисмарк произнес в ходе встречи с исследователем Африки Ойгеном Вольфом (декабрь 1888 г.), просившим канцлера направить экспедицию в экваториальную провинцию Египта.

² Понятие ввел видный немецкий историк Г.-У. Велер. Его теория империализма, призванная описать и обосновать поведение великих индустриальных держав в XIX в., подчеркивает примат внешней политики, за счет которой решались политические и социальные проблемы внутри страны. Таким образом, колонии выступали в роли потенциальных рынков сбыта товаров и мест эмиграции избыточного населения.

к колониальной аннексии. В немалой степени этому благоприятствовала международная обстановка.

Немецкие правящие круги и интеллектуалы с восхищением и ревностью поглядывали в сторону Великобритании. Они безоговорочно верили в немецкую культурную миссию, и в их взглядах уже просматривались ростки социал-дарвинистского мышления. На эмоциональном уровне соединились воедино «страхи, чувство силы, потребность в самоутверждении и престиже» [6, S. 447–448]. Умеренные цели первых лет вскоре дополнились требованием защиты немецких интересов за океаном путем создания зон влияния – «Германской Индии» в Восточной Африке и «Германской Явы» в Новой Гвинее¹.

Поворотным стал 1890 г. Если говорить о сущности немецкой внешней политики, то на смену эпитетам «действенная, маневренная и эффективная» пришли «неуклюжая, грубая, эгоистичная и необузданная» [9, S. 736; 8, S. 224; 6, S. 469]. Скорректировав представления об основополагающей государственной идее, приемники Бисмарка вполне осознанно пошли на обострение ситуации. За тенденцией форсированной национально-государственной политики интересов стояли общественные группы, олицетворявшие собой новое национально-политическое движение – «организованный национализм». К тому времени он распространился во всех европейских государствах, пребывающих в стадии продвинутой социальной модернизации. По большому счету его можно рассматривать как движение, направленное на предотвращение социальных потрясений и стабилизацию существующих политических систем. От тра-

диционного восприятия нации в Германии его отличали новая форма организации и новая идеология, апеллировавшая к этническим категориям и фелькишеской аргументации [5, S. 211].

С каждым годом немецкий национализм приобретал все более яркие оттенки колониализма и империализма. Такой стиль был принят с восторгом, причем не только финансовыми и торговыми кругами, патристическими объединениями наподобие Германского колониального общества (1887), Германского флотского союза (1898) или Пангерманского союза (1891), но и рядовыми гражданами, грезившими о величии родины. Среди представителей прогрессивного либерального империализма находились столь знаменательные фигуры, как Фридрих Науман и Макс Вебер. Объединение Германии, по мнению последнего, было «мальчишеством», причем «столь дорогостоящим, что лучше бы его не было – если объединению суждено стать завершением, а не исходной точкой великодержавной политики» [10, с. 37].

Сбросив оковы с силовой политики, Германия изменила тактику и обозначила новые цели, черпая поддержку не только в среде либеральных и консервативных сил, но и значительной части населения, иллюзии которого, никем «неотфильтрованные, неопределенные и неограниченные в своих желаниях и деталях, с каждым годом становились все более звучными, иррациональными и радикальными» [6, S. 621, 648]. Если в 1870–1880-е гг. определяющим фактором имперской внешней политики были колониализм и национализм, то в 1890-е гг. им стал империализм. В значительной мере этому способствовали фундаментальная политизация общества и растущее влияние прессы. Удивительным образом ожидания народа совпали с интересами крупного капитала: и те и другие страстно желали превращения рейха из европейской державы в мировую.

Германия усиленно искала альтернативу западным ценностным ориентирам, и на этом пути роковым образом смешивались специфические для интеллигенции идеи национального предназначения, агрессивная официальная идеология и готовность к миссионерству [7, S. 17–18]. Концепция Бисмарка утратила функциональность в силу специфики отношений между великими держава-

¹ Первая германская колония, Германская Юго-Западная Африка, возникла в 1884 г. на территории современной Намибии. За ними последовали: Того (современная республика Того и восточная часть современной Ганы) и Камерун, в 1885 г. – Германская Восточная Африка (на территории современных Танзании (без Занзибара), Бурунди, Руанды и небольшой части Мозамбика). В 1885 г. немецкий протекторат был установлен над Виту (северное побережье современной Кении). В Океании это были: Германская Новая Гвинея и Архипелаг Бисмарка (островная группа Маланезии, часть государства Папуа-Новая Гвинея), Маршалловы острова и Северные Соломоновы острова (1885). В последующие годы список немецких приобретений дополнили Науру (1888), Цзяо-Чжоу (Циндао, 1888), Марианские острова (кроме Гуама, 1899), Каролинские острова (1899), Самоа (1900).

ми, выходящих за пределы континента. В эпоху империализма неотъемлемым атрибутом международных отношений становилось не равновесие интересов, а борьба за существование между нациями или, выражаясь словами премьер-министра Италии Антонио Саландры, *sacro egoismo*¹ национальной политики как современная форма макиавелизма.

В сущности, европейская политика толкала немцев в лоно мировой [6, S. 631]. Сделав ее своей «вотчиной», Б. фон Бюлов и А. фон Тирпиц действовали агрессивно и энергично, с уверенностью, что Германия «обретет престиж, власть, материальные выгоды, публичный восторг и социальный мир» [8, S. 226]. Интегральной частью новой доктрины являлась масштабная программа по строительству морского флота, превратившая Германию во вторую по силе в мире военно-морскую державу и потенциального конкурента Великобритании.

Уже первые решения в рамках «нового курса» оказались фатальными для международных отношений в целом и рейха в частности. Договор перестраховки с Россией не был пролонгирован. В том же 1890 г. Германия разграничила с Англией сферы влияния в Восточной и Юго-Западной Африке, но преодолеть потенциальный антагонизм так и не смогла. Он, как считает историк Т. Ниппердай, мог перейти в стадию отношений «младшего партнера» или же «конкурентное сосуществование», однако страна упорно не желала оставаться в тени Великобритании, Франции и России [6, S. 63]. В итоге узкий круг акторов, принимавших решения, оказался заложником собственной риторики и претензий. Призыв «не стимулировать тщеславие нации и не поддаваться амбициям правительства», с которым выступил Бисмарк в 1897 г., не был услышан [9, S. 736]. Рейх, жаждивший использовать накопленные силы и потенциал, «с головой окунулся» в мечту о мировой политике, нажив себе влиятельных оппонентов и противников в лице европейских держав.

Отчаянное стремление изменить мировой порядок повлекло за собой растущее пренебрежение международным правом. На авансцену вышла «политика свободных рук» (*Politik der freien Hand*), отодвигавшая дипло-

матические возможности на второй план. Германия стремилась к состоянию, когда великие державы будут зависеть от ее доброй воли и добиваться благосклонности. Уже на Гаагской конференции 1907 г. она наглядно продемонстрировала, что престиж и влияние важнее, нежели проблема разоружения, международная кооперация и мультилатерализм [11, S. 27].

Росту политической изоляции и антигерманских настроений в Европе в начале XX в. рейх противопоставил «ундямую волю к национальному самоутверждению» [5, S. 218]. Внешняя агрессия подпитывалась внутренним прогрессом индустриального общества со столь характерными для него факторами, как рост населения, экономический подъем и мобильность. Если до середины XIX в. Германия содействовала стабильности континента, то теперь решительным образом «вмешалась» в ход европейской истории, пришла в состояние «перманентного беспокойства и агрессивной раздражительности» [12, S. 284]. Миф о сакральном рейхе провоцировал ее на рискованные шаги. На первый план вышел ревизионизм, существенно влиявший на выбор стратегии и тактики. Речь шла или о приобретении все еще свободных территорий, или о перераспределении существующих колоний и сфер влияния.

По существу, Германская империя была заинтересована в создании кризисных ситуаций, позволявших направлять события в ей нужное русло. Правящие элиты полагали, что противоречия между великими державами дают стране карт-бланш и гарантируют роль своеобразного арбитра. Это был опасный просчет. «Тщеславный, напирющий и недовольный» рейх спровоцировал выход Англии из состояния «блестящей изоляции» и создание Антанты [9, S. 736]. Критики видели в этом обременительное продолжение прусской властной традиции, с чем можно согласиться. Во всяком случае страна не обретет внутреннего покоя вплоть до своего краха в 1945 г. Движимая иллюзией «свободных рук», ревизионистскими намерениями и унилатеральной скачкообразной политикой, Германия, играя на противоречиях между великими державами, вносила дисбаланс в международные отношения, способствовала разжиганию пламени «европейского национализма» многонациональных госу-

¹ священный эгоизм (с лат.)

дарств и международного политического соперничества» и, в конце концов, переоценила свою способность заниматься мировой политикой автономно, то есть «без партнерства, причем на правах младшего партнера» [11, S. 27; 6, S. 662–663].

С «победоносным миром» немецкий истеблишмент связывал новый порядок в рамках европейской и глобальной системы государств, действующей в интересах собственной нации. Для сторонников «идей 1914 г.»¹ речь шла о безоговорочном оправдании войны как средства защиты отечества от безудержного либерализма и вульгарной демократии Запада, о праве Второй империи на «особый путь». В основе такого рода измышлений лежало глубоко укоренившееся отвращение интеллигенции к капиталистическому классовому обществу с его непрерывными кризисами и рецессиям в экономике, социальным напряжением и конфликтами, борьбой за эмансипацию, конкурирующими мировоззрениями. Ему противопоставлялось сплоченное, бесконфликтное и гармоничное «народное сообщество». Ведомое компетентной бюрократией и прусско-германской военной монархией, оно «должно было восстать из пламени войны как птица феникс и обеспечить Германии превосходство над конкурентами» [14, S. 18].

В различных вариациях повторялась «псевдотеологическая догма» о необходимости принять и поддержать войну как источник морального обновления и нравственной силы [7, S. 24]. Вот как описывает настроения в немецком социуме накануне августа 1914 г. известный правовед Михаэль Штолляйс: требовалось «найти хоть какой-то выход из этой рутины, какое-то спасение от чувства отвращения к цивилизации и скуки, снять международную напряженность. То, что впоследствии начало войны воспринималось как спасительный удар молнией,

¹Выражение «Идеи 1914 г.» описывает публицистическую реакцию патриотически настроенных интеллектуалов Германии на начало мировой войны. В дальнейшем на этой почве возникли национально-политические смысловые интерпретации и перспективные проекты, в рамках которых были представлены умозрительные картины политических преобразований в Германии, направленных против идеалов Великой французской революции. Причем на первый план выдвигались обтекаемые антилиберальные, антидемократические и корпоративистские концепции государства.

лишь подтверждает иррациональность подобных ожиданий» [13, с. 70].

К 1914 г. германский национализм поднялся до уровня экстремальной идеологии. Разумеется, мобилизирующее и интегрирующее влияние, вызванное началом боевых действий, не ограничивалось одним лишь рейхом. Это был европейский феномен, взращенный на почве национально-государственной конкуренции, империалистического и милитаристского мышления в стремительно развивающихся индустриальных державах. В каждой из них духовно-идеологическое измерение войны содействовало трансформации первоначального патриотизма в национализм [5, S. 226]. Таким образом, война открыла «новые мыслительные горизонты, выплеснула новую энергию и иллюзии, дала волю новым надеждам и страхам» (которые вели к появлению новых целей). «Безудержный экспансионизм и радикально-националистический триумфализм слились воедино с отдаленной перспективой социально-политической стабилизации системы и предотвращения реформ» [7, S. 27, 30]. Произошла неведанная доселе «национализация» конфликта, где «друг другу противостояли не только армии, но и народы, не только государства, но и конституционные системы и мировоззрения: западная культура против германского (тевтонского) варварства, западный рационализм против немецкого романтического иррационализма, западная демократия против немецкой автократии, западная цивилизация против германского (прусского) милитаризма». Антитезами в данном случае были: «немецкая культура против западной цивилизации, немецкий идеализм против западного рационализма, немецкое народное сообщество против западного партийного государства» [5, S. 227]. И чем дольше длилась война, обретая тотальный характер, тем более радикальными становились планы и их решения. С одной стороны, мы наблюдаем преемственность экспансионистских целей, возникших задолго до 1914 г., с другой – принципиально новые, пугающие горизонты немецкого внешнеполитического мышления.

В конечном счете Первая мировая война продемонстрировала силу и слабость Германии. Неготовая и неспособная вписаться в существующую систему миропорядка, страна, несмотря на высокий финансово-

экономический потенциал, располагала ограниченными ресурсами для установления европейской гегемонии. И в этом заключалась дилемма немецкой внешней политики. Поражение в войне изменило ее рамочные условия, однако сохранило в арсенале присущие традиционной *Realpolitik* целевые установки и методы, националистическую аргументацию [14, s. 392]. В то время как внутренняя модель государственной политики ориентировалась на парламентскую платформу стран Запада, внешняя была нацелена на национально-политическую ревизию, а стало быть, против Англии и Франции, выступавших гарантами версальской системы и «навязанных» парламентско-демократических ценностей. Политика взаимопонимания, сотрудничества и мультилатерализма не находила заметного отклика в среде правящей элиты (да и общества в целом) вплоть до 1924 г. И лишь с началом периода относительной стабилизации Веймарская республика совершила стратегический поворот

в сторону взаимопонимания (*Verständigungspolitik*). Об этом речь пойдет в следующей статье автора.

Вывод. Очевидно, что непростое геополитическое положение, помноженное на глобификацию немецкого национального государства и его чрезмерные амбиции, обусловило перманентный поиск Германией эффективной стратегии и тактики поведения на международной арене. Этим объяснялся скачкообразный характер ее политики. В поисках своей идентичности рейх тайно или явно, прямо или косвенно, осторожно или вызывающе шел к реализации поставленных целей. Независимо от акторов внешнеполитического процесса, они в той или иной степени укладывались в канву «особого пути» и «великогерманской идеи». В известном смысле империализм стал особой формой национализма, привнесшей в жизнь немецкого государства новую разновидность антагонизма и нездоровый дух расизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Haffner, S.* Von Bismarck zu Hitler: Ein Rückblick / S. Haffner. – München : Knaur, 2001. – 336 S.
2. *Hildebrand, K.* Das vergangene Reich: deutsche Außenpolitik von Bismarck zu Hitler / K. Hildebrand. – Berlin : Ullstein, 1999. – 1280 S.
3. *Павлов, Н. В.* История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. – М. : Международ. отношения, 2012. – 800 с.
4. *Киссинджер, Г.* Дипломатия / Г. Киссинджер ; [пер. с англ. В. В. Львова] ; [Послесл. Г. А. Арбатова, с. 824–828]. – М. : Ладомир, 1997. – 848 с.
5. *Dann, O.* Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770–1990 / O. Dann. – 3. überarb. und erw. Aufl. – München : C. H. Beck, 1996. – 438 S.
6. *Nipperdey, Th.* Deutsche Geschichte 1866–1918 : 2 Bde. / Th. Nipperdey ; Bd. II : Machtstaat vor der Demokratie. – München : C. H. Beck, 1998. – 948 S.
7. *Wehler, H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 4 Bde. / H.-U. Wehler; Bd. 4 : Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914–1949. – München : C. H. Beck, 2003. – 1173 S.
8. *Graig, G. A.* Deutsche Geschichte 1866–1945: vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches / G. A. Graig ; [Aus dem Engl. übers. von W. Kaiser]. – München : C. H. Beck, 1996. – 806 S.

REFERENCES

1. *Haffner, S.* Von Bismarck zu Hitler: Ein Rückblick / S. Haffner. – München : Knaur, 2001. – 336 S.
2. *Hildebrand, K.* Das vergangene Reich: deutsche Außenpolitik von Bismarck zu Hitler / K. Hildebrand. – Berlin : Ullstein, 1999. – 1280 S.
3. *Pavlov, N. V.* Istoriya vneshney politiki Germanii. Ot Bismarka do Merkel / N. V. Pavlov. – M. : Mezhdunar. otnosheniya, 2012. – 800 s.
4. *Kissindzher, G.* Diplomatiya / G. Kissindzher ; [per. s angl. V.V. L'vova] ; [Poslesl. G. A. Arbatova, s. 824–828]. – M. : Ladomir, 1997. – 848 s.
5. *Dann, O.* Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770–1990 / O. Dann. – 3. überarb. und erw. Aufl. – München : C. H. Beck, 1996. – 438 S.
6. *Nipperdey, Th.* Deutsche Geschichte 1866– 918 : 2 Bde. / Th. Nipperdey ; Bd. II : Machtstaat vor der Demokratie. – München : C. H. Beck, 1998. – 948 S.
7. *Wehler, H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 4 Bde. / H.-U. Wehler; Bd. 4 : Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914–1949. – München : C. H. Beck, 2003. – 1173 S.
8. *Graig, G. A.* Deutsche Geschichte 1866–1945: vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches / G. A. Graig ; [Aus dem Engl. übers. von W. Kaiser]. – München : C. H. Beck, 1996. – 806 S.

9. *Barraclough, G.* Das europäische Gleichgewicht und der neue Imperialismus / G. Barraclough // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte: 10 Bde.; Hrsg. von G. Mann. – Bd. 8: Das neunzehnte Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 703–739.
10. *Вебер, М.* Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895) / М. Вебер // Политические работы (1895–1919) ; [пер. с нем. Б. М. Скуратова]. – М. : Праксис, 2003. – С. 7–39.
11. *Hellmann, G.* Deutsche Außenpolitik in historischer und systematischer Perspektive / G. Hellmann, R. Wolf, S. Schmidt / Handbuch zur deutschen Außenpolitik; Hrsg. von S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – S. 15–46.
12. *Radkau, J.* Nationalismus und Nervosität / J. Radkau // Kulturgeschichte heute ; Hrsg. von W. Hardtwig und H.-U. Wehler. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. – S. 284–315.
13. *Штолляйс, М.* История публичного права в Германии : Веймарская республика и национал-социализм / М. Штолляйс ; [пер. с нем. О. Г. Субботина]. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 663 с.
14. *Bracher, K. D.* Zusammenbruch des Versailler Systems und zweiter Weltkrieg / K. D. Bracher // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte: 10 Bde.; Hrsg. von G. Mann. – Bd. 9: Das zwanzigste Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 389–458.
9. *Barraclough, G.* Das europäische Gleichgewicht und der neue Imperialismus / G. Barraclough // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte: 10 Bde.; Hrsg. von G. Mann. – Bd. 8: Das neunzehnte Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 703–739.
10. *Veber, M.* Natsionalnoye gosudarstvo i narodnokhozyaystvennaya politika (1895) / M. Veber // Politicheskiye raboty (1895–1919) ; [per. s nem. B. M. Skuratova]. – M. : Praksis, 2003. – S. 7–39.
11. *Hellmann, G.* Deutsche Außenpolitik in historischer und systematischer Perspektive / G. Hellmann, R. Wolf, S. Schmidt / Handbuch zur deutschen Außenpolitik; Hrsg. von S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – S. 15–46.
12. *Radkau, J.* Nationalismus und Nervosität / J. Radkau // Kulturgeschichte heute ; Hrsg. von W. Hardtwig und H.-U. Wehler. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. – S. 284–315.
13. *Shtollyays, M.* Istoriya publichnogo prava v Germanii: Veymarskaya respublika i natsional-sotsializm / M. Shtollyays ; per. s nem. O. G. Subbotina]. – M. : Politicheskaya ensiklopediya, 2017. – 663 s.
14. *Bracher, K. D.* Zusammenbruch des Versailler Systems und zweiter Weltkrieg / K. D. Bracher // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte: 10 Bde.; Hrsg. von G. Mann. – Bd. 9: Das zwanzigste Jahrhundert. – Berlin [u. a.] : Propyläen, 1960. – S. 389–458.

РЕПОЗИТОРІУМ